

УДК 316.022

МЕНЬШИНСТВА, АССИМИЛЯЦИЯ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: ОПЫТ РОССИИ И США

Л.Р. Низамова

Аннотация

Вопросы сохранения культурного плюрализма и ассимиляции меньшинств рассматриваются сквозь призму сопоставительного анализа современных российских и американских практик. Выявлены сходства и различия текущей этнической политики России и США, определены место и специфика мультикультурализма, особенности межэтнических и межрасовых отношений данных стран. Эмпирическим основанием центральных положений работы послужили результаты кейс-стади «Американские татары», позволившие раскрыть основные механизмы «сопротивления» ассимиляции и воспроизводства отличительной культурной идентичности.

Ключевые слова: мультикультурализм, культурный плюрализм, ассимиляция, этнические меньшинства, национальные меньшинства, нациестроительство, Россия, США, волжские татары, американские татары.

Введение

Неприятие мультикультурализма в России и небывалый рост ксенофобии и нетерпимости имеют множество разноплановых и разноуровневых причин. Среди них нередко справедливо называют переживаемый российским обществом переходный период, неизбежно сопровождающийся ожесточенной борьбой интересов, низкий уровень жизни значительных слоев населения и углубляющееся социально-экономическое неравенство, дефекты воспитания и образования молодого поколения, усугубление нетерпимости и недоверия к «другим» в СМИ. Тем не менее, на наш взгляд, существуют и фундаментальные макросоциальные причины отторжения мультикультуралистской «повестки дня».

В начале XXI столетия российское общество вступило в качественно новый этап своего развития, основные характеристики которого задаются по меньшей мере двумя группами факторов. Во-первых, это «внешний» фактор усиливающейся глобализации и все более активного включения России в систему всеохватывающих международных экономических, политических, коммуникационных, миграционных, культурных отношений и связей. Во-вторых, не менее значимый «внутренний» фактор – все более уверенное утверждение национально-ориентированного политического вектора. После развала СССР на рубеже XX и XXI веков Россия получила новый исторический шанс стать национальным государством. В условиях нового президентства эта возможная перспектива получила признание в качестве неоспоримой политической цели и одновременно средства реализации конкретных политических программ.

Можно говорить о «новом» этапе нациестроительства в широком смысле, отсчитывая его с 1992–1993 гг. – времени подписания нового Союзного договора и принятия Конституции РФ. Однако 1990-е годы оказались преимущественно переходным периодом с точки зрения государственного строительства. Наиболее отчетливо и твердо основные черты текущего этапа формирования российской нации-государства обозначились в последние восемь лет. Это означает, что в узком смысле «новый» этап становления российского национально-государства связан с политикой президента В. Путина и федеральных органов власти.

Этап 1990-х годов и текущий период существенно отличаются друг от друга содержанием этнической политики, характером межэтнических и этнополитических отношений, оценкой значения этнического фактора во внутренней политике страны. Если наиболее заметным и характерным выражением политики Б. Ельцина в публичном дискурсе стали его слова «Берите суверенитета, сколько сможете проглотить», то линия президента В. Путина оправданно ассоциируется с укреплением «вертикали власти» и постепенным переосмыслением прежних практик реализации многонационального федерализма, якобы не выдержавшего испытания на прочность, как утверждают скептики, ссылаясь на пример распавшегося СССР. Соответственно, этническая политика, приведшая к децентрализации управления и упрочению региональных элит, нередко преследовавших корыстные и узко-территориальные интересы, была сменена многократно окрепшей федеральной политикой, направленной на поддержание и консолидацию общегражданского самосознания россиян. Эти усилия также подкрепляются постепенным изменением принципов построения федерации: многонациональный федерализм все больше подменяется федерализмом американского типа, то есть административно-территориальным его вариантом. Так, проводимое в последние годы укрупнение регионов (видимо, неизбежное и верное само по себе) осуществляется за счет ликвидации с карты РФ прежних национально-территориальных единиц: Коми-Пермяцкого, Корякского, Эвенкийского, Таймырского, Усть-Ордынского Бурятского, Агинского Бурятского автономных округов, выступавших многие годы средством реализации международно признанного права народов на самоопределение и соответствующих федералистским принципам, заложенным в Конституции РФ.

Подобные реформы являются подтверждением существенного изменения российской национальной политики в отношении меньшинств. По умолчанию доминирующим этнополитическим вектором становится ассимиляция – типичный вариант политики государства XIX – начала XX вв. в отношении меньшинств периода формирования наций-государств в Западной Европе и Америке. С одной стороны, ассимиляция делает всех граждан, проживающих на данной территории, равными и наделяет их одинаковыми правами и обязанностями, независимо от их этнического и расового происхождения. С другой стороны, обретение меньшинствами равных прав с доминирующим большинством «оплачивается» потерей собственных культуры, имени, истории или их заметной маргинализацией. Проявление этнокультурной (расовой) отличительности и своеобразия в этом контексте может восприниматься представителями большинства как вызов или «неуважение» со стороны «других» или «чужаков».

Сегодня этническое все больше вытесняется из политики и экономики, в целом сферы публичного. Началась деинституционализация этничности и «перемещение» ее в сферу сугубо частного, личного, семейного. Первым и наиболее показательным шагом в этом направлении стало введение в начале 2000-х годов новых внутренних паспортов граждан России, исключившее упоминание этнического происхождения и выдвинувшее на первый план гражданскую и государственную идентичность владельцев паспортов. Этим этничность была отодвинута на задний план и приравнена к частному делу индивида и семьи.

Текущие этнонациональные изменения в России и этнорасовая политика США при всех их заметных расхождениях имеют и явные черты близости и сходства: 1) преобладание усилий по формированию инклюзивной (объединяющей) гражданской идентичности жителей страны; 2) конструирование политико-административного деления страны намеренно вразрез с принципами многонационального федерализма и в соответствии с идеологией «плавильного котла»; 3) в долговременной перспективе неизбежное «наследование» фактора «многонациональности» (национальные республики в РФ и особый политический статус индейских племен, Пуэрто-Рико и Гуама в США) при сохраняющемся в политике доминировании прежде всего административно-территориального принципа; 4) формальная свобода этнического самовыражения, локализуемая «этническое» прежде всего в семье, в частном кругу и на местном уровне. (И в России такими могут быть результаты деинституционализации этничности, ее вытеснения из сферы публичного и «молчаливой» ассимиляции.)

Кейс-стади «Американские татары»: ассимиляция versus мультикультурализм

Кейс-стади¹, ставившее среди прочих и задачу изучения особенностей этнической и мультикультуралистской политики США, а также механизмов и способов ассимиляции в принимающее общество, позволяет с большой долей вероятности спрогнозировать результаты обозначившейся в России политики деинституционализации этничности. Быстрее всего ее эффекты на себе испытывают статистически малочисленные народы: ассимиляция и русификация, начавшиеся еще в годы советской модернизации, заметно усилятся и приведут к угасанию меньшинств и даже полному исчезновению языков, культур, традиций и обычаев малых народов. Здесь можно сослаться и на пример США, где мультикультуралистская политика, способствующая этнокультурному самосохранению и самовыражению, поощряющая терпимость к другому, тем не менее

¹ Проект «Возвращение этнического: мультикультуралистские ценности и практики в условиях глобализации», сфокусированный на знакомстве с американским татарским сообществом и изучении особенностей мультикультуралистской политики США, был осуществлен в г. Нью-Йорке при поддержке Программы Фулбрайт. В сборе эмпирических данных были применены: метод исследования личных биографий и семейных историй посредством свободных неформализованных интервью и метод включенного наблюдения. В целом состоялось около 70 встреч-знакомств и было проведено 24 свободных биографических интервью с использованием трех языков (татарского, русского, английского – по выбору респондента) с татарами, имеющими гражданство США или постоянный вид на жительство («грин-карту») и преимущественно живущими в стране не менее 6 лет. Большая часть этих встреч состоялась в г. Нью-Йорке и прилегающих к нему территориях Лонг-Айленда и штата Нью-Джерси; кроме того, в интервью приняли участие респонденты, живущие в Вашингтоне (округ Колумбия), Чикаго и др. городах. В данной статье цитаты из интервью на татарском и английском языках приведены в переводе на русский язык.

не может воспрепятствовать действию мощных ассимиляционных факторов и механизмов, стирающих и нивелирующих культурную отличительность.

Ассимиляционные «давления», испытываемые иммигрантскими группами в США, весьма сильны и зачастую неодолимы. Однако есть и многочисленные каналы и механизмы «сопротивления» им и воспроизводства отличительной этнокультурной и религиозной идентичности, даже если речь идет о весьма малочисленных группах. Они опираются на экономические и политические свободы, принцип равноправного согражданства, относительно новые для США мультикультуралистские ценности и установки. Рассмотрение примера диаспоры волжских татар США позволило выявить следующие практики, обеспечивающие выживание и развитие «своей» культуры на новой родине: 1) сохранение родного языка и его адаптация к новой социокультурной среде (обучение татарскому языку дома, общение на родном языке в кругу семьи, родственников и в татарской ассоциации); 2) следование мусульманской традиции: празднование мусульманских праздников, посещение мечети, трансляция религиозной традиции детям, в частности посредством обучения в воскресных школах; 3) стремление заключить брак «со своим» и сохранить таким образом свое этническое имя и идентичность (присущее более всего средней и старшей возрастным группам); 4) желание сохранить и передать детям разнообразные элементы татарской культуры: представления об истории народа, его культуре (в том числе литературе, музыке и т. п.) и обычаях, навыки приготовления татарской еды и организации семейных встреч и коллективных собраний; 5) создание на добровольной основе татарских обществ и ассоциаций как устойчивых центров «татарского мира» в иноэтнической среде (организация ежегодных вечеров, посвященных классике татарской литературы Г. Тукаю, и регулярное празднование Сабантуя), которые в последние годы также стали каналом, связывающим с Татарстаном и его столицей (участие в мероприятиях Всемирного конгресса татар в г. Казани); 6) поддержание личных неформальных и, реже, официальных связей с родиной предков или территориями проживания татар в бывшем СССР (например, посещение концертов и выступлений артистов из Татарстана); 7) пользование татарским Интернетом и включенность в сетевые сообщества и ряд других. В зависимости от времени и траектории эмиграции татарское этнокультурное сознание в США дополняется или корректируется элементами советской, русской, территориальной (например, ташкентской или петербургской) или турецкой, тюркской и мусульманской идентичностей.

Пример татар Америки свидетельствует также о том, что российские инструменталистские трактовки этничности являются односторонними. Этничность американских татар сохранилась не потому, что была институционализована, закреплена в каких-либо официальных документах, а потому, что была выражением глубинной и относительно устойчивой идентичности – сердцевиной «Я» человека и важной составляющей его семейной и личной жизни. Все это говорит о том, что помимо инструменталистской этничность выполняет еще и экспрессивистскую функцию.

Обобщенная оценка динамики жизнедеятельности татарской диаспоры в США может быть положена в основу прогноза относительно возможных следствий и эффектов переориентации российской этнонациональной политики в

направлении административно-территориального варианта федерализма и на реализацию проекта общегражданского национализма в России, лишь на первый взгляд кажущегося этнически нейтральным. В случае с татарами, составляющими в РФ вторую по численности этническую группу, целенаправленная деинституционализация и деполитизация этничности может в долгосрочной перспективе означать угасание и исчезновение государственных структур и политической воли, обеспечивающих сегодня существование и развитие татарской «инфраструктуры» в российском обществе. Ее ядро и преобладающую долю составляют татарстанские институты образования (от дошкольного до высшего), науки, книгоиздательства, широко вещания на татарском языке (телевидение, радио, пресса, Интернет), а также татарского культурного производства (театр, изобразительное искусство и т. п.) и религиозного культа. Иначе говоря, в условиях уже очевидного игнорирования этнокультурных запросов меньшинств на федеральном уровне ситуация не только не будет исправлена, но, напротив, заметно усугубится, если региональный (республиканский) и местный уровни власти также отстранятся от ведения дел этнических групп и управления межэтническими отношениями.

Новый этап российского национального строительства осуществляется в условиях, принципиальным образом отличающихся от эпохи формирования первых современных наций-государств в Западной Европе и Америке XIX – XX вв. Он проходит в условиях ширящейся глобализации и легитимации коллективных прав народов и меньшинств на международном уровне. Он сможет приобрести иное содержание, при полном сохранении поставленной цели, если в качестве ориентира будет избран и затем поэтапно выстроен российский вариант политики и идеологии мультикультурализма [1]. В основу нового российского мультикультурализма могут быть положены критически пересмотренные, приведенные в соответствие с повесткой дня современного общества и «очищенные» от внутренней противоречивости и дефектов практики советского мультикультурализма, инерционно воспроизводящиеся и сегодня. Реализация мультикультуралистских установок во внутренней политике страны сделает обоснованными и правомочными российские требования в духе национализма «внешней исторической родины» (определение американского теоретика национализма Р. Брубейкера [2]) по защите прав этнических русских и русскоязычных за пределами РФ, прежде всего на территории постсоветского пространства.

Этно-расовые отношения и мультикультурализм в США и России

Несмотря на появление ряда черт близости и сходства этно-расовой политики США и текущих этнонациональных изменений в России, есть и немало важных отличия, заметно отдаляющие рассматриваемые национальные модели друг от друга. Среди них можно назвать следующие.

1. В США и России доминируют разные типы «многокультурности»: «полиэтничность» – в первом случае и «многонациональность» – во втором. Различение двух названных типов мультикультурализма было введено в научный оборот известным канадским исследователем У. Кимликой [3]. Многонациональность является историческим результатом объединения прежде самостоя-

тельных, самоуправляемых, территориально обособленных культур в одно государство. Формирование новых государств зачастую происходило недобровольно – через завоевание, колонизацию, передачу прав от одного правителя к другому; возможен и вариант добровольного объединения через формирование федерации, удовлетворяющей интересы двух и более сторон. Второй тип многокультурности – это «полиэтничность», являющаяся результатом иммиграции в страну. После Второй мировой войны выросла полиэтничность Великобритании, Франции, Германии и других европейских государств. Постсоветская Россия тоже становится все более полиэтничной в силу массового притока рабочей силы из-за границы (иммиграции из бывших республик СССР, Вьетнама, Китая, Афганистана и др.). В свою очередь, США имеют характеристики многонациональности, хотя и маргинальные с точки зрения формирования американской национальной идентичности.

2. В отличие от России, в США по-прежнему главенствующей и наиболее острой остается тема расового неравенства и депривации афроамериканского меньшинства. Хотя этнический плюрализм страны и является неоспоримым, он вызывает в целом меньше озабоченности. В российском же обществе, наоборот, по понятным причинам интерес к изучению межэтнических отношений заметно преобладает над исследованием расовых иерархий (хотя тема расизма становится все более актуальной в контексте выявления причин роста ксенофобии и шовинизма в РФ начала 2000-х годов). Так, если всероссийская перепись 2002 г. зафиксировала 160 национальностей, среди которых русские составляют около 80% населения, то в переписи населения США 2000 г. был осуществлен подсчет расовых групп. Среди них традиционно были выделены: 1) американцы европейского происхождения, или «белые», – 70% (199.3 млн.); 2) латиноамериканцы, или «латинос», выходцы из испаноязычных стран, – 13% (37 млн.); 3) афроамериканцы, или «чернокожие», – 13% (36.1 млн.); 4) американцы азиатского происхождения – около 4% (12.1 млн.); 5) коренные американцы, или индейцы, – менее 1% (данные U.S. Census Bureau). В последнее десятилетие произошел примечательный рост численности испаноязычного населения, более чем в два раза опережавший темпы прироста численности афроамериканского населения; в результате «латинос» впервые в истории стали самым крупным меньшинством США.

3. Американский вариант мультикультурализма является, пожалуй, историческим преемником политики «позитивного действия» ('affirmative action') 1960-х годов, направленной на преодоление вековых форм расового и этнического неравенства. Он имеет целью аккомодацию этнорасового многообразия и признание прав меньшинств, в том числе за рамками сферы частного – в публичной сфере (прежде всего в системе образования, которое становится все более плюралистичным и служит формированию культуры равноправия и терпимости в обществе). В России же этничность, когда-то протекционистски охраняемая и защищаемая, на федеральном уровне, напротив, постепенно выводится из сферы публичного. Это противоречит международной ориентации на защиту прав меньшинств и идет вразрез со все более распространяющимися в мире мультикультуралистскими ценностями и практиками. Сегодня отношение к ним в России отличается большой предвзятостью, характеризуется выражен-

ным неприятием, как в политическом дискурсе, так и в массовых установках и поведении. Это в немалой степени объясняет небывалый рост ксенофобии, расизма, крайних форм национализма и шовинизма в современном российском обществе.

Динамика межэтнических отношений в РФ определяется, с одной стороны, этнополитической стабилизацией в регионах, в которых после развала СССР в начале 1990-х годов наблюдался заметный рост этнонационализма титульных этнических групп национальных республик (татарского, якутского, башкирского и др.). Заметным исключением стала кризисная ситуация в Чеченской республике, Северокавказском регионе и территориях, прилегающих к ним. С другой стороны, межэтническое недоверие и негативные гетеростереотипы, подпитываемые войной в Чечне и действиями террористических сил в регионе и в целом на территории России, усугубились в начале 2000-х годов в контексте поступательного роста русского этнического самосознания и утверждения русского национализма, явно опережавшего и оспаривавшего распространение инклюзивной идеи общероссийского гражданского национализма. Россия все больше стала мыслиться как «государство для русских»; русские как этническое большинство объявлялись «государствообразующей» (или «империеобразующей») национальностью и, соответственно, становились «законными владельцами государства» [2, с. 156; 4, с. 10; 5].

Логическим следствием подобных взглядов является легитимация практик исключения и политико-культурной маргинализации значительных слоев населения (всех мигрантов, этнических меньшинств, иностранцев, иноверцев и др. – одним словом, всех «чужих»). Это означает, что межэтнические отношения в РФ вступили в новый, причем весьма проблемный и тревожный, этап, характеризующийся заметным ростом ксенофобии, расизма [6] и шовинизма. Российские эксперты справедливо квалифицируют ксенофобию как «системный фактор» современного российского общества [7, с. 151], как форму массовой «негативной консолидации» [5, с. 12], идущей вразрез с модернизационной программой развития страны. Опасения подтверждаются результатами социологических исследований последних лет, фиксирующих, что люди других национальностей, проживающие в России, все чаще воспринимаются как «угроза безопасности и порядку», и эта точка зрения начинает преобладать. По мнению массового респондента, иностранцы и мигранты «опасны», «ведут себя нагло и агрессивно», «наживаются на коренном населении» и их слишком много: в России – «засилье приезжих» [5]. Отличительной особенностью текущего этапа межэтнических отношений является то, что социальная база ксенофобии и шовинизма заметно расширилась и включает сегодня не только депривированные массовые «низы», но также и политическую и культурную элиту российского общества. Конечно, в подобной идеологической атмосфере возможность использования потенциала мультикультурализма даже и не обозначается.

Интервью, проведенные в рамках кейс-стади «Американские татары», позволили обсудить состояние и проблемные «зоны» межэтнического и межрасового взаимодействия в США. Были рассмотрены следующие аспекты: характер отношений между представителями разных рас и национальностей в г. Нью-Йорке и в целом в США; наличие фактов напряженности, дискриминации или

оскорбления по этно-расовому принципу; влияние этнического происхождения на возможность получить хорошее образование, работу или сделать карьеру; случаи (или их отсутствие) сокрытия своей этничности или религии; влияние трагических событий 11 сентября 2001 г. на жизнь респондента, отношение к татарам как мусульманской группе и к мусульманам и исламу в целом.

Пожалуй, наиболее значимыми факторами, повлиявшими на ответы и комментарии американских татар, были: отнесение татар принимающим обществом к социально благополучной расовой группе «белых, или американцев европейского происхождения» (что совпадает с доминирующей расовой самооценкой татар США), с одной стороны, и самоидентификация с мусульманским населением США – с другой. В целом была дана позитивная оценка общего состояния межэтнических отношений в американском обществе, особенно в космополитичном Нью-Йорке:

«У каждого народа есть свои сообщества. Есть объединения. Каждый народ со своими объединениями очень хорошо живет» [И. 6].

«Ну, я этого <дискриминации или оскорбления по этническом признаку> не встречала. Я этого не встречала. Здесь люди более дружелюбные» [И. 3].

«Я же говорю, тут каждый живет: 'I don't care' <Меня не касается>. Ему не важно, как ты живешь; тебе не важно, как кто-то живет. Поэтому никакого конфликта быть не может. Потому что им ни до кого дела нет» [И. 5].

«Да, нет. Никого это не волнует вообще. Вопрос национальности никого здесь не волнует. Могут если из чистого любопытства спросить. Из чистого» [И. 7].

«Очень хорошо живут. На удивление хорошо. Здесь есть много корейцев. Идешь... как в корейской деревне <...> Если к китайцам пойдешь... в китайский магазин... надписи по-китайски. И по-арабски пишут. И газеты есть. А вот когда я был в Москве, нигде не видел надписей по-татарски» [И.14].

В то же время, многие из опрошенных хорошо понимают, что ситуация – не беспроблемная. Одной из наиболее острых и видимых проблем является сохраняющийся в изменившихся формах расизм и воспроизводство разделительных линий между «белыми» и афроамериканским населением:

«Люди уживаются. Когда я приехала в эту страну, и у меня было первое впечатление, что расизма здесь практически не существует. То есть у людей даже нет вот такой концепции, как расизм. <...> Но <теперь> я все-таки понимаю, что люди именно что уживаются. У всех все-таки бывают разные эмоции. Некоторые люди – да, испытывают недоверие. Особенно выходцы с Юга» [И. 13].

«Расизм – он жив и здоров. Я думаю, что сейчас... с увеличением латинского <имеется в виду латиноамериканского> населения проблема еще более драматичной становится. Быть может, на нашем побережье это еще не чувствуется. А, например, в Калифорнии, в штатах, близких к Мексике, – это огромная проблема» [И. 8].

«Расовые конфликты существуют между черными и белыми, между черными и евреями. <...> Иногда это разжигается прессой. <...> Ну, этнические конфликты – в меньшей степени, они, наверное, есть...» [И. 1].

По признанию ряда американских исследователей, принятие мультикультурализма в США – это «цена», которую Америка платит за свою неспособность (или нежелание) инкорпорировать афроамериканцев в свое общество так же, как были интегрированы многие другие этнокультурные группы [8, с. 147]. Действительно, в скрытых и латентных формах расовая дискриминация, как и разного рода проявления этнического недоверия, воспроизводится, однако расизм как идеология и практика находится вне закона и жестко им преследуется. Принцип равноправия, лежащий в основе идеи гражданской нации, строго охраняется государством и довольно глубоко укоренен в массовом сознании:

«Наверное, есть <этнические предрассудки и предубеждения>. Но нам с этим сталкиваться не приходится. Здесь закон серьезно работает в этом отношении. То есть люди здесь взаимно вежливы и уважительны» [И. 7].

«Не здесь <комментарий о наличии напряженности и дискриминации в этнорасовых отношениях>. Здесь – это нарушение закона. И если ты действительно чувствуешь себя американцем, ты не думаешь об этом» [И. 12].

Большинство интервьюируемых не установили какого-либо влияния этничности на их жизненные шансы – возможность найти работу, получить образование, сделать карьеру. Однако несколько респондентов, имеющих хорошее образование и относительно высокий социально-экономический статус, в ответе на данный вопрос сделали ряд оговорок:

«<О влиянии этничности на карьеру, возможность получить образование и работу:> Нет. Нет. Я не знаю... Если только я не собираюсь быть там... членом Верховного Суда США. <...> До уровня члена кабинета, я думаю, что без разницы» [И. 8].

«Да, мне кажется, да. За всю историю Америки не было ни одного Президента черного или какой-то другой этнической группы» [И. 13].

«Я иммигрант в этой стране... Хотя я и американский гражданин..., я знаю, что я, скорее всего, не смогу достигнуть каких-то высоких административных должностей. <...> Я думаю, что существуют определенные взаимоотношения среди людей, особенно в политике, которые не позволяют определенным или расовым меньшинствам, или этническим меньшинствам быть на вершине... на вершине торта, скажем так. Где сливки» [И. 1].

Наибольшая озабоченность, тем не менее, была связана с ростом недоверия и предубеждений по отношению к мусульманам после серии террористических атак 11 сентября 2001 года. Преобладающая часть опрошенных отметила ухудшение (большее или меньшее) отношения к мусульманам, выражавшееся в межличностных оскорблениях и обвинениях, актах вандализма, нападениях на мусульман и мусульманские организации в период непосредственно после террористического нападения:

«Вот мы же ехали <в Америку, потому> что это именно... свободная страна; что не притесняют; тебе никто не укажет ничего... Ну, сейчас, Вы же видите, политика коренным образом изменилась. После 11 сентября. Мусульмане вдруг стали во всех грехах виноваты» [И. 2].

«Я считаю, что все-таки после 11 сентября изменилось отношение к мусульманской вере. <...> Ну, может даже, и враждебное. Хотя они и говорят там, что не все одинаковы...» [И. 3].

«Это не верно. <...> Они ведь что думают... Раз сделали это мусульмане, то все мусульмане такие. Это неправильно» [И. 14].

Другие респонденты отдали должное публичной позиции властей, разъяснявших в СМИ, что преступниками являются террористы, а не сторонники мусульманской веры:

«...Здесь очень хорошо по телевизору говорили, что это терроризм, а не мусульмане. <...> Я, например, как мусульманка, этого тоже не ощутила <...> Вовремя не дали вспыхнуть всему этому. Это опять-таки законы, и мышление <то есть умение тех, кто управляет> смотреть вперед» [И. 7]

Среди позитивных эффектов возросшего внимания к мусульманам были отмечены: стремление американцев лучше узнать ислам и существенное увеличение объема информации о нем; введение преподавания в университетах; новые факты принятия мусульманской веры; сближение и сплочение мусульманского сообщества США:

«Обычно я считал себя татаро-американцем или тюрко-американцем и в гораздо меньшей степени – мусульмано-американцем. Но после 11 сентября все мы неизбежно стали в гораздо большей степени мусульмано-американцами. <...> Я весьма опечален тем, что гражданские свободы в США размываются, особенно в отношении арабо-американцев и мусульмано-американцев, и будущее вызывает опасения» [И. 15], – отметил один из опрошенных в 2003 г. Однако время показало, что американский мультикультурализм в основном выдержал ниспосланное испытание: благодаря следованию принципу равноправия и соблюдению гражданских прав и свобод в целом удалось сохранить прежнее качество климата межэтнических и межконфессиональных отношений в США.

Заключение

Пример реализации мультикультурализма в США и в других странах, как Нового, так и Старого Света, свидетельствует, во-первых, о том, что в условиях начала XXI века национальные государства более не могут игнорировать запросы этнокультурных и расовых меньшинств и нуждаются в создании механизмов и институтов их аккомодации и интеграции в гражданское сообщество, отвечающих нормам международного права и способствующих реализации как индивидуальных, так и коллективных свобод. Во-вторых, мировой опыт следования по мультикультуралистскому пути убеждает в отсутствии некой единой нормативной «формы» мультикультурализма; напротив, существует огромное количество национальных моделей аккомодации культурного плюрализма, отвечающих национально-специфическим вызовам и потребностям. Следовательно, и в России во главу угла формирования и реализации приемлемой модели мультикультурализма должны быть поставлены актуальные национальные цели и задачи: 1) управление исконной многонациональностью России в контексте развития подлинного федерализма, включающего в том числе системную реализацию практик многонационального федерализма; 2) содействие решению этнокультурных проблем многочисленных российских диаспор; 3) интеграция в общество ширящегося потока мигрантов и иммигрантов, легальной рабочей силы из-за рубежа; 4) создание благоприятного внутривнутриполитического

базиса для защиты интересов «соотечественников» и русскоязычного населения за границами РФ в духе «национализма внешней исторической родины» (последний по существу означает признание Россией мультикультурализма в международном измерении); 5) противодействие распространению экстремизма, шовинизма, крайних проявлений национализма, расизма и нетерпимости, являющихся серьезной преградой на пути реализации национальных интересов, (например, в области развития индустрии туризма, интернационализации российского образования и включения России в мировое образовательное пространство, в целом укрепления международных позиций и престижа страны в мировом сообществе).

В настоящее время в России существует глубокое противоречие между настоятельной необходимостью адаптировать российское культурное многообразие и придать ему контуры, соответствующие духу времени и общенациональным интересам, и выраженным отторжением дискурса мультикультурализма, как в массовых установках и поведении, так и в политическом действии. Это расхождение еще в должной мере не осознано, а имеющийся де-факто культурный плюрализм считается скорее досадным препятствием на пути консолидации единого российского согражданства. Тем не менее будущее страны зависит от того, как скоро будут преодолены ошибочные и односторонние представления о потенциале и пределах вариативности мультикультурализма и будет осознана совместимость этнического, культурного, религиозного многообразия с формированием единой общегражданской идентичности.

Summary

L.R. Nizamova. Minorities, Assimilation and Multiculturalism: the Cases of Russia and the USA.

The issues of preservation of cultural pluralism and assimilation are studied within comparative analysis of contemporary Russian and American social and political practices. Common features and differences of the ethnic policy of Russia and the USA have been displayed; the role and specific character of multiculturalism and inter-ethnic relations have been identified. Conclusions of the article are based on the data of the empirical case study "American Tatars" that have helped to reveal the mechanisms of 'resistance' to assimilation and reproduction of the cultural 'otherness'.

Key words: multiculturalism, cultural pluralism, assimilation, ethnic minorities, national minorities, nation-building, the USA, Russia, Volga Tatars, American Tatars.

Литература

1. *Низамова Л.Р.* Идеология и политика мультикультурализма: потенциал, особенности, значение для России // Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах: Материалы конф. Казань, 2–3 июня 2004 г. / Под ред. А. Малашенко. – М.: Гендальф, 2005. – С. 9–30.
2. *Брубейкер Р.* Мифы и заблуждения в изучении национализма // *Ab Imperio*. Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. – 2000. – № 1. – С. 147–164; № 2. – С. 247–268.
3. *Kymlicka W.* Multicultural Citizenship. A Liberal Theory of Minority Rights. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1995. – 280 p.

4. *Левада Ю.* «Человек советский»: четвертая волна. Рамки самоопределения // *Вестн. обществ. мнения.* – 2004. – № 3 (71). – С. 8–18.
5. *Гудков Л., Дубин Б.* Своеобразие русского национализма // *Pro et Contra. Журн. рос. внутр. и внешн. политики.* – 2005. – № 2 (29). – С. 6–24.
6. *Шнирельман В.* Расизм вчера и сегодня // *Pro et Contra. Журн. рос. внутр. и внешн. политики.* – 2005. – № 2 (29). – С. 41–65.
7. *Паин Э.А.* Издержки российской модернизации: этнополитический аспект // *Обществ. науки и современность.* – 2005. – № 1. – С. 148–159.
8. *Glazer N.* *We Are All Multiculturalists Now.* – Cambridge, Mass.; London, England: Harvard Univ. Press, 1997. – 179 p.

Поступила в редакцию
21.01.08

Низамова Лилия Равильевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Казанского государственного университета.

E-mail: Lilia.Nizamova@ksu.ru